

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Лубна Саид

**Исламизация государства, гендерных отношений и повседневности
в Пакистане**

Специальность 09.00.14 – философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Екатеринбург - 2020

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент,
Трубина Елена Германовна

Официальные оппоненты: **Скороходова Татьяна Григорьевна,**
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Пензенский Государственный университет», профессор кафедры «Теория и практика социальной работы»;

Янгузин Айбулат Римович,
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет, профессор кафедры философии и политологии

Ярков Александр Павлович,
доктор исторических наук,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», ведущий эксперт Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма

Защита состоится 20 января 2021 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 09.01.26 по адресу:
620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»:
<https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=1765>

Автореферат разослан _____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор культурологии, доцент

М. Ю. Гудова

Введение

Актуальность темы исследования. Современная социально-политическая и культурная ситуация в мире отмечена нарастанием влияния ислама. Если число мусульман в мире насчитывает около четверти всех верующих, то формирование политического ислама задевает интересы куда большего числа людей. Знание о том, как политические исламские движения и мыслители представляют себе способы реализации своих интересов и достижения политических изменений, в том числе об их готовности использовать насилие для этих изменений, хотя и постоянно увеличивается, но все же недостаточно. Этим новым тенденциям в общественной и политической жизни отвечают перемены в продуцировании знания.

Вопрос о том, как религия, и прежде всего ислам, используется политическими элитами для консолидации новых, образовавшихся после распада империй, наций – один из самых значимых в рамках пост-колониальной теории, но он также и остается недостаточно исследованным. Одна из причин – преобладание исследований ислама, посвященных проблеме безопасности, и выполненных в рамках политических и связанных с международными отношениями дисциплин. В них политический ислам мыслится, скорее, как угроза или как враг, к которому нужно найти подходы.

Недостаточность такого подхода объясняется тем, что между исламом, политическим и исламом повседневным, и западной культурой и обществом невозможно провести четкую границу. Миллионы мусульман живут и в пределах западного мира, и еще больше носителей этой религии живет за его пределами, будучи разнообразно с Западом связанными через потребление и идеологию.

В 2010 году в мире насчитывалось 1.6 миллиарда мусульман, составляющих большинство населения в 49 странах. Эти впечатляющие цифры являются результатом длительного, противоречивого и продолжающегося исторического процесса *исламизации*: люди, государства и народы *становятся* мусульманскими в результате целого ряда факторов. Исламизация охватывает собой практически все сферы общества. Религиовед Айван Стренски дает такой иронический совет читателям: «Если вам нужны учебники для эффективной исламизации или медресе, специализирующиеся на промывании мозгов, тогда вам точно надо сделать остановку в Пакистане»¹.

Пакистан, иначе говоря, представляет собой страну особенно успешной исламизации, осуществляемой государством через образование и контроль над повседневными практиками. Но повсеместное присутствие и влияние ислама на жизнь данной страны необходимо исследовать с учетом голосов *рядовых* граждан, а эмпирических исследований, осуществленных в данной стране, пока недостаточно. Данная диссертация, опираясь на идеи Стренски и других ученых, рассматривает исламизацию как *процесс*, не все последствия которого пока ясны и известны науке.

¹ Strenski, I. 2019. Dishonoring Honor Killing and The Pursuit of Moderate Islam. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 31, No. 5, P.1126-27.

Значимость введения в научный обиход голосов *рядовых мусульман* и использования современных аргументов и теорий для их анализа особенно велика с учетом того, что средства массовой информации и научные исследования по теме исламской религии и насилия оказали огромное влияние на общественность и ученых.

Степень разработанности темы исследования. В англоязычных религиоведении и философии культуры проблематика исламизации государств, культур, обществ и образования анализируется синхронно и диахронно. Диахронный анализ исламизации осуществляется по отношению к таким странам как Индия, Индонезия, Танзания, Турция и другим².

Синхронный анализ этого процесса в литературе преобладает, и особенно разносторонне осуществлен в отношении современного развития таких регионов как Внутренняя Азия, и таких стран, как Малайзия, Иран, Индонезия, Объединенные Арабские Эмираты, Турция, Египет.³ Исламизация понимается, как правило, как *процесс нарастания влияния ислама в обществе*. Помимо источников, в которых главным объектом анализа являются *страны*, заметный сегмент литературы образован исследованиями исламизации отдельных *сфер* общественной жизни, прежде образования⁴. Так, обсуждая понятие исламизации знания и его последствий для философии, ученые подчеркивают, что исламизацию не стоит понимать как механический процесс, но нужно видеть в ней приспособление некоторых типов знания к содержанию исламской науки, а также стремление усилить позицию исламской науки в контексте современного знания⁵.

Отдельная и быстро растущая область исследований посвящена исламизации, понимаемой как нарастание влияния ислама на Европу и Запад в целом. Здесь можно отметить работы профессора религиозных исследований Университета Калифорнии в Риверсайд Ивана Стренски и профессора Института политических исследований в Экс-ан-Провансе, директора Центра изучения религий Observatoire du religieux, Рафаэля Лиожье, автора книги «Миф об исламизации, эссе о коллективной одержимости»⁶. Стренски в обзоре ряда недавних научных и художественных книг, в том числе скандального романа «Покорность» Уэльбека, оспаривает популярный аргумент, что европейская

²DeWeese, D. 1994. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. University Park, PA.

Marwah I.S. 2000. Islamization and Muslim Identity: The Case of Meos. Journal of Human Ecology. Vol. 11. No.4. P.256-273; Aktas V. 2004. Islamization of Anatolia and the Effects of Established Sufism. The Anthropologist. Vol. 17.No.1. P. 147-155. E Wellfelt E. 2019. Islam in Aru: Oral traditions and Islamization processes from the early modern period to the present. Indonesia and the Malay World. Vol. 47. No. 138. P.160-183.

³ Islamization of Turkey under the AKP Rule. 2012. Edited by Birol Yeşilada and Barry Rubin. Şakir Dinçşahin. Yeditepe University, Turkey.

⁴ Acingenc, A. 1996. Islamic science: towards a definition. Kuala Lumpur: Istac. Al-Attas, N.S. 1993. Islam and secularism. 2nd ed. Kuala Lumpur: Istac. Al-Faruki, I. 1982. Al-tawh. id: its implications for thought and life. Kuala Lumpur: International Institute of Islamic Thought (IIIT). Al-Faruki, I. 1982. Islamization of knowledge: general principles and work plan. Herndon, VA: International Institute of Islamic Thought. Al-Faruki, I. 1988. Islam: source and purpose of knowledge. Proceedings and selected papers of the 2nd Conference on Islamization of Knowledge. Herndon, VA: IIIT.

⁵ Dzilo H. 2012. The concept of 'Islamization of knowledge' and its philosophical implications. Islam and Christian-Muslim Relations, 23:3, 247-256

⁶ Raphaël Liogier, Le Mythe de l'islamisation. Essai sur une obsession collective

см. также https://www.ng.ru/world/2013-05-29/7_islam.html; Strenski I. 2020. Prospects for the Death of Europe: Islam, Christianity, the Future Identity of Europe. Terrorism and Political Violence, 32:3, 654-680.

цивилизация – под угрозой уничтожения в силу двух главных причин: во-первых, массового прибытия туда мигрантов из консервативных исламских государств и их отказа принимать европейские ценности; во-вторых, пассивности европейских элит, сочетающейся с нарастанием расизма и ксенофобии среди консервативной части общества. Аргумент Стренски состоит в том, что равнодушие элит по отношению к пониманию Европы как христианской цивилизации приводит к тому, что идентичность Европы размывается, но перспективы ре-христианизовать Европу остаются призрачными. В то же время европейский ислам (термин Тарика Рамадана) серьезной угрозы все же не представляет.

Лиожье критикует те законы Франции, которые сориентированы на принцип светскости, то есть сосуществования разных культур под защитой закона, который гарантирует свободу совести, самовыражения и вероисповедания, подчеркивая, что, хотя у граждан есть право носить знаки религиозной принадлежности, был принят закон, запрещающий ношение религиозной символики в государственных школах и в общественных местах. Ученый также увязывает нарастание антиисламских настроений среди ультраправых групп и немалого числа французских граждан с тревогами по поводу идентичности: представление «чужого» как угрозы – знак слабости.

Таким образом, исследования исламизации осуществляются в некотором континууме: от исторических реконструкций до анализа современной политики, от разбора реального процесса до критики воображаемой европейцами исламизации как угрозы идентичности их континенту и их культуры. Специалисты по миграции и исследователи ислама на Западе настаивают, что нужно уделять больше внимания влиянию индивидуализма на мусульманские практики, и что исследование исламизации на Западе должно избавляться от «этнической призмы» и исследовать исламскую идентичность с использованием более общей аналитической рамки, предложенной религиозными исследованиями⁷.

Работы, посвященные исламизации в Пакистане, делятся на две группы в зависимости от фокуса либо на внутренней, либо на связи внутренней и международной политики страны. Охарактеризуем первую группу, описав один из ранних вариантов анализа, проведенный специалистом по пакистанской исламизации австралийским исламоведом Риазом Хассаном.⁸ Он считает исламизацию преобладающей государственной идеологией, служащей интересам военных режимов, первый из которых пришел к власти после свержения правительства Пакистанской народной партии в 1977 году. С одной стороны, считает он, ясно, что исламизация была инструментом легитимации правящего режима, но этим дело не ограничивается: другие политические и социальные силы в стране сыграли даже более сильную роль в превращении исламизации в государственную идеологию Пакистана.

⁷ Glick Schiller N and Caglar A. 2008. Beyond methodological ethnicity and towards the city scale: An alternative approach to local and transnational pathways of migrant ethnicities. In: Rethinking Transnationalism The Meso-link of organisations. Ed. by Ludger Pries. P. 40-62.

⁸ Riaz Hassan, "Islamization: An Analysis of Religious, Political and Social Change in Pakistan," Middle Eastern Studies 21, no. 3 (1985): 263–84.

Вторая группа исследований исламизации в Пакистане проведена с учетом противоречий, вытекающих из включенности данной страны в международные коллизии. Сорокалетняя война в Афганистане, начавшаяся с советского вторжения и продолжающаяся в силу реализации американских интересов в регионе, представляет лишь один из примеров связи между использованием ислама для усиления национальной безопасности в контексте включенности Пакистана в геополитические игры стран - «тяжеловесов».

Неслучайно Пакистан рассматривали как государство, которое не сможет осуществлять управление страной (a failed state). Кроме этого, разные силы внутри страны исповедовали отличающиеся представления о том, как ей развиваться: политические лидеры; военные; бизнес-круги - по-разному использовали символы ислама и тексты отцов-основателей, для того, чтобы преследовать свои интересы. Причиной многих сложностей, испытываемых страной сегодня, является приход к власти в конце 1970-х генерала Зия-уль-Хака, особенно активно воплощавшего особую, его правительством разработанную программу исламизации⁹. Это проявилось в пересмотре уголовного права на соответствие с нормами традиционного мусульманского права, а также в воплощении норм, предписываемых исламом, в сфере налогообложения и банковском деле. Английский пакистанист и историк Южной Азии Маркус Дешсел расценивает политику *военной исламизации* Зия-уль-Хака как проявление колониального влияния на политическую идентичность страны и ее элиты. Милитаризация политики тесно связана с пакистанским национализмом и этосом национальной армии. Колониальные корни современной пакистанской политики проявляются, по мнению Дешсела, в том, что бедное крестьянское население страны расценивается элитами как отсталое и ведомое только религиозными чувствами, тогда как политика мыслится привилегией лишь вестернизированной элиты. Зия-уль-Хак исходил из того, что простой пакистанский народ глубоко религиозен и он использовал религиозные символы для легитимации своего правления. Генерал и президент тем самым делал то же, что и его предшественники, но только он довел религиозную манипуляцию населением до крайности.

Поскольку деятельность этого президента совпала с советским вторжением в Афганистан и с Исламской революцией в Иране в 1979 году, он привлек к власти суннитов, в результате нарастающего влияния которых исламизация получила форму «*шариатизации*»¹⁰, т.е. были приняты законы, по которым за преступления виновные наказывались по правилам традиционного ислама. Результатом стало постепенное предательство идей, на которых страна создавалась, неразумное использование ресурсов страны, фрагментация социальных отношений.

Исламизация также рассматривается в нескольких фундаментальных монографиях, посвященных истории и настоящему дню данной страны. Тем самым проблематика религиоведения соединяется с проблематикой регионоведения и

⁹ Daechsel, M. 1997. 'Military Islamisation in Pakistan and the spectre of colonial perceptions', Contemporary South Asia, Vol. 6, no. 2, 141-160.

¹⁰ Farzana Shaikh. 2008. From Islamisation to Shariatization: Cultural Transnationalism in Pakistan. Third World Quarterly Vol. 29, No. 3, 593-609.

страноведения. Назовем книгу *«Трансформируя Пакистан»* Хилари Синнота, важную для нашей идеи значимости ислама для строительства нации с чистого листа. Автор показывает сложности подчинения различных этнических идентичностей единому национальному нарративу. Национальному строительству мешали коррумпированный правящий класс, доминирование армии и авторитарное правление.¹¹

Пакистанская феминист-активистка и ученый Нигхат Саид Хан в книге *«Голоса изнутри: диалоги с женщинами»* разбирает современную историю Пакистана, критикуя непоследовательность в создании национальной идеологии как причину насилия и социальной дезинтеграции¹². Пакистановед Лоуренс Зириг в монографии *«Пакистан в двадцатом веке»* формулирует ключевой для данной диссертации аргумент: «Пакистан образовался в результате религиозно-политического движения, поэтому он не сохранил бы верность себе, если бы не подчеркивал религиозные начала своего происхождения»¹³.

Связь между исламом и гендерными отношениями обсуждается в литературе, главным образом, с учетом сильных патриархатных традиций этой религии и возможности им противостоять. Иранский антрополог и активист Зиба Мир-Хосейни опубликовала несколько монографий о связи ислама и гендера, написанных не только с точки зрения антропологии, но и с точки зрения иранской мусульманки, стремящейся понять свои веру и культуру¹⁴. Она также раскрывает важные противоречия между феминистской солидарностью и национализмом: «Мусульманки... борющиеся за равноправие женщин, должны были также соответствовать анти-колониальным и националистическим приоритетам, а также секулярной и модернистской, но деспотической политике новых государств. Современные западные феминистки могли критиковать патриархальные элементы своих культур и религий во имя модерности, либерализма и демократии, но мусульманки не могли опираться на эти внешние идеологии или на внутренние политические идеологии в своей борьбе за равные права. И для колониалистов, и для модернизирующихся секуляристов «Ислам» был воплощением отсталых традиций, которые следовало отвергнуть или приручить по имя прогресса. Для анти-колониалистов и большинства националистов «феминизм», т.е. защита прав женщин, - колониальный проект, которому следовало сопротивляться»¹⁵.

Пакистанско-американский писатель и ученый Асма Барлас оспаривает распространенные на Западе представления о том, что притеснение женщин вытекает из самого учения ислама, а также убеждения многих мусульман в том, что Коран оправдывает патриархат и неравенство полов, пишет книгу с точки зрения образованной верующей мусульманки *«Веря в женщин в исламе: иначе читая патриархальные интерпретации Корана»*. В ней она настаивает на том, что Коран

¹¹ Synnott H. 2009. *Transforming Pakistan, Ways Out of Instability*. International Institute for Strategic Studies, Routledge.

¹² Said Khan, N. 1992. *Voices Within. Dialogues with Women on Islam*, Lahore, ASR Publications.

¹³ Ziring, L. 2003. *Pakistan: At the Crosscurrent of History*. Oxford: Oneworld.

¹⁴ Duderija, A. 2014. *Islam and Gender in the Thought of a Critical-Progressive Muslim Scholar-Activist: Ziba Mir-Hosseini*. *Islam and Christian-Muslim Relations*, 25:4, 433-449.

¹⁵ Mir-Hosseini Z. 2006. *Muslim Women's Quest for Equality: Between Islamic Law and Feminism*. *Critical Inquiry* 32 (4):629-645 (2006). P. 638.

учит о равенстве полов и что он по своему духу анти-патриархален. Строя исторический анализ эволюции знания о Коране и в целом о религиозном авторитете в рамках данной религии, Барлас показывает, какие исторические процессы привели к тому, что мусульмане «вчитали» неравенство и патриархат в Коран для того, чтобы легитимировать существующие социальные отношения. Она настаивает, что патриархальные интерпретации Корана – функция от того, какие социальные группы его читают, с какой целью и в каком контексте. Для целей нашей работы это важный аргумент, поскольку в диссертации идет речь об инструментальном использовании ислама разными общественными силами.¹⁶

Целый ряд авторов обращается к проблематике прав женщин, женского образования, связи между гендерными проблемами и модернизацией, отличий в положении городских и сельских женщин. Они описывают попытки женщин Ирана, Пакистана, Турции и других стран показать, что многие их соотечественницы практикуют ислам, отличный от того, который пропагандируется исламистскими движениями, мечетями, религиозными школами и курсами по Корану. Они в том же время описывают серьезные вызовы, с которыми сталкиваются прогрессивные женщины, рискующие быть убитыми исламскими экстремистами за отказ закрыть лицо. Эти авторы показывают, как женщины, в том числе и Пакистане, сталкиваются с эскалацией гендерного насилия и с глубоко несправедливыми законами, которые, скорее, вторично травмируют женщин, а не защищают их от насилия.¹⁷ Продемонстрировано, что патриархатные установки транслируются системой школьного и вузовского образования. Так, проведя контент-анализ пакистанских школьных учебников, ученые обнаружили, что патриархатная идеология распространяется по четырем основным направлениям: (1) мужское доминирование; (2) жесткое противопоставление мужских и женских гендерных ролей; (3) патриархатная структура семьи; (4) спорт как чисто мужское занятие¹⁸.

Расширение исследования феномена повседневности, его противоречий и изменений, связано с тем, что во второй половине XX века интерес ученых привлекли практики и отношения повседневной жизни. Изучение повседневности выходит на первый план в социальном знании под влиянием так называемого «поворота к практике», позволившего показать многослойность и сложное структурирование этого феномена. Повседневность верующих людей схвачена в разработанном Робертом Орси. Иваном Стренски, и рядом других авторов

¹⁶ Barlas, A. 2002. *Believing Women in Islam: Unreading Patriarchal Interpretations of the Qur'a-n*, Austin: University of Texas Press.

¹⁷ Hassan, R. 2001. "Challenging the Stereotypes of Fundamentalism: An Islamic Feminist Perspective." *The Muslim World*, 91(1–2): 55–69. Kandiyoti, D., and Ayse Saktanber, eds. 2002. *Fragments of Culture: The Everyday of Modern Turkey*. London: Tauris. Mahmood, S. 2006. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press. Mernissi, F. 1975. *Beyond the Veil: Male–Female Dynamics in Modern Muslim Society*. Bloomington: Indiana University Press. Mir-Hosseini, Z. 1999. *Islam and Gender: The Religious Debate in Contemporary Iran*. Princeton: Princeton University Press. Moghadam, V. 2003. *Modernizing Women: Gender and Social change in the Middle East*, 2nd ed. Boulder: Lynne Rienner. Wadud A. 1999. *The Qur'an and Woman: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspective*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁸ Ullah, H., & Skelton, C. 2013. Gender representation in the public sector schools textbooks of Pakistan. *Educational Studies*, 39(2), 183–194.

концепте «живой религии»¹⁹. Настаивая, что религиозная повседневность задает особый социальный и культурный контекст, эта группа авторов инициировала популярный сегодня подход к религии как набору социальных практик, при этом «практика» понимается как набор действий, посредством которых та или другая традиция, церковь или сообщество задают границы того, что значит быть религиозным. Три линии осмысления религиозной повседневности осуществлены на основе понятия «живой религии»: во-первых, акцент на признании отличий между официальной доктриной и официально предписанными нормами поведения и разнообразными проявлениями адаптации, сопротивления или импровизации со стороны членов конгрегаций в отношении формализованных представлений о религии и попыток строго регулировать поведение верующих; во-вторых, практики мыслятся не как случайные, но как принимающие форму ритуала. Соответственно, изучающую «живую религию» ученые проводят полевые исследования и в храмах (местах официального отправления культа), и в ходе паломничеств, светских праздников, дней святых, семейных сборов и т.д. Третья линия – изучение связи между практиками и системами смыслов и символов. Ислам, понятый как «живая религия» в стране, где мусульмане составляют большинство, – тема, гораздо менее изученная, нежели тема ислама как «живой религии» в западных мусульманских сообществах.

Методологически, помимо упомянутых выше аргументов, для исследования исламизации используется традиция этнографии религии²⁰ – в целях дополнения концептуального анализа демонстрацией сложности повседневной религии и религиозности людей. Использование этнографии религии дает возможность получить более полную картину по сравнению только с политическим анализом, поскольку такая методология позволяет включить в научный обиход опыт людей, не являющихся религиозными специалистами, и понимание религии вне религиозных учреждений. Исследуя, как люди проживают религию в своей повседневной жизни как в частной, так и в общественной сфере, этнография религии позволяет сосредоточиться не на абстрактных категориях религии или убеждений, а осуществить исследование того, как реальные люди практикуют религию. Повседневный ислам²¹ и мусульманская / исламская религиозность, хотя они были изучены в течение последних двух десятилетий, все еще являются довольно неисследованными темами и исследованиями, которые исследуют повседневную религиозность мусульманского большинства. В Пакистане на этот счет также было проведено относительно немного эмпирических исследований²².

¹⁹ Orsi R. 2002. Is the Study of Lived Religion Irrelevant to the World We Live in? Special Presidential Plenary Address, Society for the Scientific Study of Religion, Salt Lake City, November 2. *Journal for the Scientific Study of Religion* Vol. 42, No. 2 (Jun., 2003), pp. 169-174; *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. 1997. ed. David D. Hall. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

²⁰ *Personal Knowledge and Beyond: Reshaping the Ethnography of Religion*. 2002. Ed. by James V. Spickard, Shawn Landres, and Meredith B. McGuire. New York: New York University Press. Spickard, J. (2009) 'Ethnography/religion: explorations in field and classroom', in (ed.) P. Clarke, *The Oxford Handbook of the Sociology of Religion*, Oxford: Oxford University Press.

²¹ Dessing N. (Ed.) 2016. *Everyday lived Islam in Europe*. L.: Routledge. Ammerman, N. T. (ed.) (2006) *Everyday religion: observing modern religious lives*, New York: Oxford University Press.

²² Dessing N. (Ed.) 2016. *Everyday lived Islam in Europe*. L.: Routledge; Jeldtoft, Nadia (2011) 'Lived Islam: religious identity with 'non-organized' Muslim minorities', *Ethnic and Racial Studies*, 34: 7, p. 102-137.

Модель, разработанная Кэролайн Бергаммер и Катрин Флегеншни для более детального изучения мусульманской религиозности²³, исходит из того, что мусульманская повседневность многогранна и представляет собой сочетание веры и поведения. Из этих двух категорий, поведение, можно разделить на две подкатегории: (1) ритуалы и обязанности, и (2) этические принципы поведения. На все эти аспекты влияет окружающий религиозный и культурный контекст, и тема связи религии и культуры также активно обсуждается учеными, работающими в этой парадигме.

Объектом исследования является политические, социальные и культурные процессы развития Пакистана и их анализ в теоретической и эмпирической литературе.

Предметом исследования является проблема исламизации политики, гендерных отношений и повседневности в современном Пакистане.

Цель исследования. С учетом вышеизложенного цель диссертационного исследования формулируется следующим образом: в результате комплексного анализа исследований проблем исламизации и влияния ислама на различные сферы социальной и политической жизни рассмотреть исламизацию социальной и политической жизни в Пакистане.

Цель исследования обуславливает необходимость постановки следующих **задач**:

1. В ходе анализа имеющихся подходов к влиянию ислама и рассмотрения идущих в литературе дискуссий выявить религиозоведческие основания проблематики генезиса, содержания и социальных практик исламизации.

2. На основе экспликации понятийной логики критических работ по политическому и повседневному исламу сформулировать и рассмотреть ключевые проблемы, вызванные процессом исламизации.

3. Проанализировать понятийный аппарат философии религии и религиоведения с целью нахождения тех понятий, что позволяют анализировать религиозную динамику в истории и современности конкретной страны, а именно «живой религии» (lived religion).

4. Выявив ключевые аргументы и компоненты методологии религиоведения, дополнить имеющийся спектр подходов и вариантов анализа конкретных способов бытования ислама в контексте стран Южной Азии теми, которые позволяют анализировать повседневное бытование этой религии.

Теоретические и методологические основы диссертации. Методологическую специфику диссертационной работы образуют качественные исследования религиозных практик. Сформулируем три группы релевантных для нашего исследования теоретических и методологических ресурсов.

В первую группу входят работы по истории религии, социальных наук, философии религии, религиоведения, проясняющие теоретический контекст исследования: работы, обосновывающие инструментализацию ислама, тексты, посвященные «живой религии» и гендерным отношениям.

²³ Berghammer, C, Fliegenschnee, K (2014) Developing a Concept of Muslim Religiosity: An Analysis of Everyday Lived Religion among Female Migrants in Austria. *Journal of Contemporary Religion* 29: 89–104. P.94.

Вторую группу составляют исторические, регионоведческие и страноведческие источники, позволяющие реконструировать основные аспекты обсуждения Пакистана, его истории и сегодняшнего дня, западными и восточными учеными, включая тех пакистанских авторов, которые сейчас работают в западных университетах.

Третью группу задействованных источников образуют аудиозаписи и транскрипты интервью, проведенных автором, с пакистанскими гражданами (80 человек, каждое интервью продолжалось не менее часа).

Научная новизна исследования имеет комплексный теоретический характер:

1. В религиоведение введен ряд новых аргументов, развивающих проблематику генезиса, содержания и социальных практик исламизации. Осуществлен системный анализ источников по истории страны и ее религиозной истории для понимания связи между политической эволюцией и инструментальным применением ислама правительством и элитами страны.

2. Осуществлены структурирование и содержательная разработка набора проблем, возникающих вокруг процесса исламизации: инструментализация использования ислама, повседневный ислам и живая религия, ислам и гендерные отношения.

3. Осуществлен анализ понятийного аппарата философии религии и религиоведения с целью нахождения тех понятий, что позволяют анализировать религиозную динамику в специфическом регионе, а именно «живой религии» (lived religion).

4. В методологии религиоведения опробован концепт «повседневный ислам», позволяющий расширить спектр подходов и вариантов анализа конкретных способов бытования этой религии в контексте стран Южной Азии.

5. Соединение концептуальных достижений литературы о исламских повседневности и гендерных отношениях позволило ввести в научный оборот новые сведения о развитии повседневной религиозности мусульманского большинства в Пакистане.

6. Анализ связи между категориями гендера и ислама позволил показать, что ислам особенно значимо влияет на женщин Пакистана. Идея и образ пакистанской женщины были встроены в националистический нарратив и заданы в качестве символов национальной идентичности, в результате социальные роли женщин стали предметом общественного регулирования, особенно со стороны государства и его лидеров.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проблема исламизации обществ и культур рассматривается двояко: в исследованиях либо преобладает акцент на внутренней политике страны, либо они разбираются с учетом сложной динамики международного влияния и внутренних политических интересов.

2. Политическая история и современная жизнь Пакистана характеризуется инструментализацией ислама: исламизация была и остается способом легитимации

правлящего режима, и все политические и социальные силы в стране апеллируют к исламу, стремясь увеличить свое влияние.

3. Методологический ресурс современного религиоведения в исследованиях ислама заключается в акценте на концептах «живой религии» и «повседневного ислама», т.е. в установке на прослеживание связанных с исламом настроений и социальных практик в повседневности.

4. Гендерные отношения в Пакистане тесно увязаны с политической борьбой, в том числе с исламом как политической силой и основанием национальной идентичности. Место и роль женщин в общественной жизни стали символом исламизации Пакистана.

5. Развитие традиции этнографии религии позволяет показать, что способом более точного понимания повседневного ислама в целом и его гендерного измерения является методология качественных исследований, позволяющая дополнить концептуального анализа демонстрацией сложности повседневной религии и религиозности людей.

6. Применение методологии качественных исследований позволило провести системный анализ исламизации и продемонстрировать особенности этого процесса в политических, гендерных и повседневных аспектах.

Практическая значимость исследования. Представленные в диссертации результаты могут быть использованы как для дальнейших исследований в области религиоведения, философии культуры, религиозной этнографии, исследований ислама, так и для прикладных исследований процессов исламизации (способы взаимодействия религиозных институций и верующих, отличия между религиозными практиками мусульман на Западе и в Южной Азии, связь между религиозным национализмом и насилием, гендерные отношения в патриархатных, консервативных средах и т.д.). Представленный в работе теоретический материал может использоваться при разработке лекционных курсов по теории и истории религии, социологии религии, регионоведению, современному исламу.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были апробированы в научных публикациях автора, на ряде конференций в вузах Екатеринбурга, в том числе на конференции «Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение» (УрФУ, 01.11.2018 – 03.11.2018), и в рамках лекций, прочитанных в ходе педагогической практики для студентов магистратуры ИГУП «Геобрендинг». В 2017 г.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, шести параграфов, заключения, и библиографического списка (203 наименований). Объем работы составляет 196 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность и степень разработанности заявленной темы, формулируются цель и задачи диссертационного исследования.

Основная задача **Главы 1 «Концептуальная рамка диссертации»** заключалась в том, чтобы разобрать основные понятия работы – «живая религия», исламизация, гендер, повседневность, связь культуры и религии - и идеи введших их в обиход ученых. Показано, что, хотя понимание понятия «живой религии» в текстах введших его теоретиков – Орси, МакГуайер и Стренски – отличается, его анализ позволяет заключить, что базирующийся на данном понятии подход ставит в центр внимания повседневный опыт верующих людей, а также рассматривает институциональные аспекты религии, с которыми они могут взаимодействовать. Люди не просто копируют институциональные религиозные предписания, но играют активную и рефлексивную роль в формировании, обсуждении и изменении убеждений и практик. Показано, что этот подход вылился из критики ограничений, создаваемых анализом религии, выдвигающим на передний план институты и организации, а не реальный опыт верующих в повседневных контекстах. Понятие и основанный на нем подход открывает дискуссию о том, что такое религия: является ли это фиксированным, последовательным набором предписаний в отношении убеждений и поведения, которые четко сформулированы религиозными институтами и скопированы отдельными людьми, или же люди играют активную и рефлексивную роль в формировании, обсуждении и изменении своих собственных религиозных убеждений и практики.

Понятие исламизации разобрано в контексте проведенных Пупченко, Махарджи, Шехом, Раисом, Меткалфе и другими исследований нарастания влияния ислама. Оно фиксирует фазу религиозных и культурных изменений, направленных на расширение и углубление религиозного влияния, особенно в пакистанском государстве и в его обществе. Это расширение в основном достигается за счет переосмысления роли существующих социальных и культурных образований и реорганизации государственного аппарата. Основным направлением исламизации, будь то репрессивный или демократический процесс, является структурная трансформация и переосмысление роли институтов, включая образование, религию, право, экономику, культуру и средства массовой информации. В диссертации (основываясь на рассмотренных работах) исламизация понимается как процесс усиления политического, правового, социального и культурного влияния ислама. В работе различается *узкое* понимание исламизации как конкретной политической программы, которая была введена в 1970-е и 1980-е годы и провозгласила возрастание справедливости и других общественных благ в силу введения исламских законов, и более *широкое* понимание исламизации как амбивалентности по отношению к современности и ее ценностям, что выражается в постоянных попытках «исламизировать» государство, общество и культуру в странах с мусульманским большинством, в том числе и в Пакистане. Это понятие охватывает как попытки различных политических групп (например, военных) извлечь выгоду из ислама, так и различное воздействие этого процесса на общество, в частности, постепенный переход Пакистана к теократической правовой системе, ограничение роли женщин в общественной сфере, изображение женщин как первопричины коррупции и низкой морали, а также дезинтеграции семьи и социальных ценностей. Исламизация мыслится как процессы и сети,

посредством которых различные политические акторы пытаются извлечь выгоду из ислама, а религиозные группы и граждане Пакистана пытаются выстроить свои представления об «истинном мусульманине».

Категория гендера рассмотрена в данной главе с учетом главного аргумента гендерной теории, а именно того, что социальные, а не биологические процессы порождают пол человека. Учитывая социальные, культурные и исторические конструкции гендера, феминистские теоретики, в частности, Джудит Батлер, исследуют следующее: если гендер является социально и культурно сконструирован, в чем особенность механизма этой конструкции? Понимание гендера различается в разных культурах и религиях и должно быть концептуализировано и дифференцировано в контексте данной конкретной культуры и религии. Гендер представляется весьма существенной категорией различий в качестве центрального фактора в природе и идеологии неравенства во многих обществах, а гендерно-критические исследования должны исследовать, как мужчины и женщины конструируют и следуют религиозным традициям. В то же время, в центре внимания при изучении как религии, так и культуры находятся аспекты, связанные с религиозным опытом женщин. Религиозные обычаи, такие как ношение хиджаба, должны деликатно и всесторонне изучаться без излишней проекции западных стереотипов.

Показано, что понятие повседневной жизни имеет особенно богатую генеалогию и может быть прослежено в связи с процессами секуляризации в период модерности. Повседневность также рассматривается через несколько измерений - место, время, пространство, отношение, объекты, подходы, объекты, перспективы, научные абстракции и опыт. Кроме этого, повседневность представляет сплетение историй ее участников. Она сложна и изменчива в силу разнообразной природы повседневных дел.

Понятие повседневной жизни в контексте пакистанской культуры осмысливается в связи с культурой ислама: повседневная жизнь вращается вокруг религиозных принципов. В главе рассмотрены взгляды антрополога Талала Асада, критиковавшего антропологический подход к исламу. Опираясь на мысли Фуко о дискурсе, ученый артикулировал проблему ислама как антропологическую тему. Повседневная жизнь в Исламской Республике Пакистан может быть объяснена и определена через концепцию Талала Асада, провозгласившего, что исходным для понимания исламской повседневности должно стать изучение того, что что делают мусульмане в своей повседневной жизни в связи с текстом Корана и хадисами, а также как они следуют традициям. Талал Асада настаивал на том, что ислам – система традиций и описывал «традицию» как «введенную практику», допускаемую дискурсом. Показано также, что критики этой концепции подчеркивали, что люди, идентифицирующие себя как мусульмане, живут и конструируют различные типы идентичности в своей повседневной жизни в соответствии с рядом духовных, эмоциональных и эстетических соображений, которые не обязательно одобряются религиозной традиционной дискурсивной системой. Повседневная жизнь мусульман может быть помыслена в контексте неопределённости, открытости и неясности мусульманских практик, которые

возникают при определении аспектов религии и нравственности мусульман, не представленных должным образом в дискурсивной модели исламской традиционной системы. Роббинс подчеркивает, что традиции и верования дают повседневной жизни моральные ориентиры. Религиозные убеждения дают людям силу для совершения добрых дел.

На основе работ Макса Вебера, Пауля Тиллиха и Клиффорда Гирца показано, что понятие «религия и культура» используется учеными, чтобы назвать область, которая изучает связи между этими двумя областями. Религия и культура понимаются как отдельные области, которые могут взаимодействовать или не взаимодействовать друг с другом. Поэтому понятие «религия и культура» называет исследование их взаимодействий и оказывает влияние друг на друга.

В главе разобрано и понятие «религия в культуре», которое означает, что «религия» является элементом внутри человеческих культурных систем - систем, которые сами по себе являются историческими продуктами. Они являются результатом исторических изменений, которые могут быть случайными или вызванными другими факторами - такими как пол, экономика, политика, познание или даже география и особенности окружающей среды. Изучать религию в культуре - значит предполагать, что все является продуктом человеческих убеждений, поведения и социальных систем. Религия - это аспект человеческих культурных систем и, таким образом, то, что можно изучать, используя те же инструменты и методы, которые используются другими компонентами культуры.

Основная задача **Главы 2 «Исламизация государственной политики в Пакистане»** - прояснение исторического контекста политической эволюции Пакистана. Вводятся основные фазы этой эволюции от либерального демократического государства к хрупкому состоянию равновесия, которым отмечены последние годы. Взаимосвязь религии и политики в стране рассмотрена в двух параграфах.

В первом параграфе «Религиозный национализм и религиозный фундаментализм» задается теоретический контекст осмысления проблемы политической мобилизации. Он состоит из понятий «религиозный национализм» и «религиозный фундаментализм». Разбирается существо религиозного национализма на основе работ Юргенсмейера и формулируется критический аргумент о том, что ученый не только не обращается к случаю Пакистана в своей компаративной работе по религиозному национализму, но ему также не удается сформулировать, как модернизм и анти-модернизм сочетаются в деятельности религиозных национальных движений. Продемонстрировано, что возможно возникновение «искаженной» формы национализма, когда использование религиозных символов нарушает равновесие коллективного членства в религии и в нации и серьезно подрывается влияние идей о возможности членства в либеральной коллективности. Определяющей чертой религиозного национализма и религиозного фундаментализма является то, что они подрывают представления об индивидуальной независимости. Религиозный национализм и фундаментализм

предлагает такую концепцию социального порядка, в котором только религиозная общность имеет право на существование, а авторитет принадлежит тем, кто может говорить от ее имени. Рассмотрение постепенного развития религиозного национализма в сторону этой крайности позволило показать, как нелиберальный национализм представляет собой диапазон на континууме возможных религиозно-националистических мировоззрений.

Параграф второй «Шесть фаз политической истории Пакистана» прослеживает политическую эволюцию страны, в ходе которой правители, правительства и иные социальные и политические силы по-разному, но неизменно *инструментализовали* ислам для сохранения и расширения своего политического влияния. Политическая история Пакистана с 1947 до наших дней разделена на шесть фаз на основе того, как именно пакистанские правители использовали ислам как инструмент для расширения своих прав и возможностей. Каждый этап политической истории Пакистана в этой главе демонстрирует, как использовалась государственная власть для принуждения к политике, которая позволяла установить определенную доктрину ислама и его влияния и связи с обществом. И результатом этого стало постепенное предательство идеалов, на которых строилась страна, неразумное использование ресурсов страны и фрагментация общественных отношений. Выделены следующие этапы:

1. Индо-мусульманская модернизация [1947-1958]: период после смерти Мухаммада Али Джинны, основателя Пакистана. На этом этапе все законы и нормы осуществлялись согласно периоду Британии, а первая конституция (1956 г.) была написана в светском стиле, а религия упоминалась как личное дело.

2. Исламский модернизм: период исламского развития [1958-1971]. На этом этапе президент генерал Аюб Хан был вынужден религиозными партиями изменить британские законы, чтобы сделать государство в соответствии с идеологией Пакистана. Социальные нормы и образовательные реформы были проведены как слияние модернизированной и исламской системы.

3. Исламизм: период Зульфикара Али Бхутто [1971-1973]. Зульфикар Али Бхутто объединил ислам с социализмом в доктрине "исламского социализма". В итоге Конституция 1973 года полностью ориентирована на ислам. Был создан Мусульманский идеологический комитет, который должен был давать рекомендации правительству о путях и средствах в соответствии с исламом. Изучение ислама было предписано обязательным в школе и колледже, а пятница была объявлена праздником, а не воскресеньем.

4. Джихадизм [1973-1988]: период Зия-уль-Хака. Многие из проблем, стоящих сегодня перед Пакистаном, связаны с этой фазой: генерал Зия-уль-Хак, который был особенно активен в реализации специальной программы исламизации, разработанной его правительством. Был создан Федеральный шариатский суд (ФШС), в котором соблюдались все законы Корана и Сунны. Федеральный шариатский суд и Шариатская апелляционная коллегия были наделены верховной властью, судьями которой были улемы (религиозные ученые).

5. Теократический экстремизм и талибанизация [1988-2001]: период Беназира Бхутто. Теократический джихадизм стал главной опорой на

политическом общественном, религиозном и оборонном уровне. Конкуренция военного и гражданского правления стала причиной межконфессионального насилия в Пакистане. Талибан закрепил теократический суверенитет джихадистов. Сектантская война одержала победу во многих районах Пакистана, а также в Афганистане при поддержке талибов.

6. Новая ориентация и борьба с терроризмом [2001 г. - по настоящее время]. Это религиозно-политическая фаза, когда после 11 сентября 2001 г. пакистанская армия вела двойную игру, чтобы выжить и сохранить имидж Пакистана на международном уровне, потому что после трагедии 11 сентября Пакистан был обвинен как страна-террорист. Сразу же после 11 сентября 2001 года армейский диктатор Пакистана "генерал Первез Мушарраф" встал рядом с Соединенными Штатами Америки и воспользовался случаем. К декабрю 2001 года в результате военной операции в Афганистане был снят режим талибов. Это было время, когда Пакистану был дан шанс развить новую ориентацию как антитеррористическое государство [Акиль 2014, Тохид 1997, 66]. Армейская диктатура Пакистана во главе с "генералом Первезом Мушаррафом" встала на сторону США и объявила о проведении операций по борьбе с терроризмом и талибанизацией с целью создания имиджа Пакистана. Проходя через политическую историю Пакистана, можно сделать вывод, что религиозные партии и исламисты способствовали появлению новой политической структуры. В настоящее время в политику Пакистана вовлечено несколько религиозных партий, и даже светские, иностранные квалифицированные политики также отвлекаются на путь ислама, чтобы получить власть в правительстве. Религиозная игра в политику по-прежнему часто активизируется под лозунгом "Ислам в опасности". Первой и главной причиной того, что ислам и исламисты до сих пор являются частью политики, является "Идеология Пакистана", которая была основой существования Пакистана под именем ислама.

Параграф третий «Политика в восприятии граждан Пакистана» разбирает, как фазы политической истории страны и другие факторы подорвали доверие общественности к политической системе, снизили уровень политической мотивации, привели к недостаточной политической осведомленности, слабым избирательным кампаниям кандидатов или политических партий. Исламизм, феодализм и регионализм негативно влияют на участие общественности. В связи с этими политическими характеристиками и плохим управлением в стране также наблюдается ограниченное стремление к смене режима. Голоса пакистанского народа были собраны в ходе интервьюирования также с целью измерения уровня религиозности в политике и ее влияния на мысли гражданского населения. Сделаны выводы о том, что религиозно-политическая эволюция Пакистана объясняет поддержку джихадизма и талибанизации и оправдание гражданами исламизации политической жизни.

Основная задача **Главы 3 «Исламизация гендерных представлений и гендерных ролей в Пакистане»** - рассмотреть интерпретации гендера и гендерные практики в стране в контексте исламизации. Данная и следующая глава написаны

и на основе анализа современной истории страны, и с учетом Корана, и с широким использованием результатов применения качественной методологии.

В параграфе 1 «Гендерные проблемы в политической эволюции и в социальной жизни» кратко разбираются те эпизоды в истории страны, которые постепенно привели к отказу от идей гендерного равенства. Положивший конец процессам модернизации процесс исламизации включал расширение законодательства, дискриминирующего женщин. В результате был установлен жесткий контроль государства над жизнями и телами женщин: их внешность, поведение, шансы на работу, сексуальная жизнь и мораль были увязаны с исламской идентичностью, положенной в центр национального дискурса и самопонимания. Ширилось продуцирование консервативных дискурсов (например, речи политических лидеров, конституция и право, образование), через которые пропагандировались патриархатные идеи о хорошей исламской женщине. Когда в 1977 году пришел к власти генерал Зия аль-Хак, это не только остановило процессы модернизации, инициированные Айюб Ханом и Зульфикаром Али Бхутто, но и положило начало процессу исламизации, включавшему дискриминационное законодательство в отношении прав пакистанских женщин-мусульманок. Это привело к созданию жесткой государственной власти над жизнью пакистанских женщин. Это включало их публичное выступление, их поведение, выбор работы и нравственность.

Теоретически глава была сориентирована на учет различных школ мышления (по преимуществу традиционных и эгалитарных), предлагающих религиозные и культурные оправдания патриархатной интерпретации гендера.

В параграфе 2 «Интерпретация гендерных ролей в исламе сквозь призму голосов жителей Пакистана» сопоставляются сформулированные в Коране идеи и заповеди, в том числе о гендерном равенстве, с принципами, на которых гендерные отношения реализуются в общественной жизни страны. Показано, что и иерархические и эгалитарные принципы понимания гендера в мусульманских обществах укоренены в учении Ислама. Разобраны результаты интервьюирования восьмидесяти информантов об их представлениях о долге, ролях и статусе мужчин и женщин в обществе с целью уточнения того, как именно ислам сформировал эти представления. Проведенные интервью анализируются с учетом тем и проблем, поднятых информантами, включая семейные и профессиональные роли, убийства чести, сексуальная скромность, семейное насилие, источники представлений о гендерных ролях. Подчеркнуто, что образ женщины-матери-домохозяйки активно всплывал в интервью и обосновывался уверенностью информантов в том, что сама биология женщин лежит в основе этих ролей. Женщины более уязвимы физически, чем мужчины; женщина лучше всего подготовлена к тому, чтобы оставаться дома. Вместе с тем женщины имеют равные права на образование, однако женщины должны получать образование по вопросам религии и ведения домашнего хозяйства. Общение женщин с мужчинами не поощряется исламом, и роль женщин должна ограничиваться домашним хозяйством. Муж имеет право ругать женщину или диктовать ей ее действия в соответствии с исламом. Таким образом, гендерное равенство в Пакистане понимается по-разному и культурное, а также исламское

толкование гендерных верований имеет разный уровень интенсивности в разных регионах. Выявленные гендерные представления участников совпадают с теми, что разобраны изучавшими патриархатные отношения учеными. Но все эти понятия текучи и многомерны и формируются под влиянием разнообразных взаимосвязей культуры и ислама.

Мужская сексуальная скромность информантами не обсуждалась. В завершение главы делается вывод о том, что нерешенные вопросы пакистанской идеологии, включая точное представление о мусульманине, мусульманских мужчине и женщин, и противоречивые попытки из этих сложностей выйти, только усиливают насилие, нетерпимость и социальную фрагментацию. Вопрос места и роли женщин в соответствии с учением ислама стал символом продолжающейся исламизации страны.

Основная задача главы 4 «Повседневная жизнь мусульман Пакистана» - использовать достижения исследований религии, исследований повседневности и аргументативные возможности концерта «живая религия» для рассмотрения повседневности пакистанцев в контексте ислама.

В параграфе 1 «Религиозные исследования, исследования повседневности и понятие живой религии» представлена концептуальная рамка главы, образованная терминологией и аргументами двух дисциплин и одним концептом («живой религии»). Религиозные исследования представлены в параграфе работами Чарльза Глока и Ральфа Худа и религиозной этнографией. Исследования повседневности охарактеризованы с использованием текстов Майкла Шерингема, Анри Лефевра и многих других. Повседневность верующих людей зафиксирована в концепте «живой религии», разработанном Мереди Б. МакГвайр, Робертом Орси, Айвэном Стренски, и рядом других авторов. Показано, что эти и другие ученые все чаще противопоставляют теоретическое и повседневное понимание религии. Последнее часто непоследовательно. Нередко, называя себя приверженцами той или другой веры, люди действуют не в соответствии с убеждениями, которые они, казалось бы, должны исповедовать. Бережное отношение и интерес ученых к этим противоречиям и к тому, как религия практикуется и переживается в повседневности, привело к формированию понятия «живой религии», и именно конкретные формы повседневного бытования религии все чаще становятся объектом исследования в рамках религиозных исследований. Настаивая, что религиозная повседневность задает особый социальный и культурный контекст, МакГвайр и другие занимающиеся «живой религией» авторы продолжают популярный сегодня подход к религии как набору социальных практик: «практика» понимается как набор действий, посредством которых та или другая традиция, церковь или сообщество задают границы того, что значит быть религиозным.

Показано, что анализ исламизации в конкретной стране должен учитывать как концептуальные достижения исследований религии как таковой, так и более сфокусированные на исламе работы. Подчеркнуто, что не все мусульмане глубоко знают Коран, но в то же время они должны быть включены в исследования реально функционирующего ислама. Показано, что мусульмане включены в виды

деятельности и дебаты, которые слабо связаны с исламской традицией как таковой, но с их повседневными нуждами. Разобраны результаты социологически и антропологически сориентированных исследований религии, активно обратившихся к исследованию религии в повседневной жизни и религии как «живой», т.е. к связи между структурами социальности и религиозной повседневностью.

В параграфе 2 «Повседневная жизнь глазами мусульман Пакистана» представлен подход, который изучает культуру в рамках религии и религию в рамках культуры. Проведенное эмпирическое исследование (80 интервью продолжительностью от одного часа) проанализировано с точки зрения религиоведения, исследований повседневности и с использованием концепта «живая религия». Поскольку последний сформулирован с учетом противопоставления «официальная (институционализованная) – неофициальная религия», в диссертации продемонстрировано, что для пакистанских мусульман не столько важны официальные ритуалы ислама, сколько интимное следование логике учения и увязывание всех повседневных дел и забот с религией.

Анализ полуструктурированных интервью был разделен на два аспекта: первое - это "повседневная жизнь с большим акцентом на культуру" и второе - повседневная жизнь с высоким уровнем религиозности. Причина разделения заключается в том, что повседневная жизнь, особенно в развивающихся или слаборазвитых обществах, вращается как вокруг культуры, так и вокруг религии. Для анализа религиозных сторон повседневной жизни пакистанских мусульман была применена модель религиозности, разработанная исследователями Глоком, Ямин, Хассан и другими, с некоторыми дополнениями. Они классифицировали пять основных измерений уровня религиозности: идеологическое, ритуальное, эмпирическое, интеллектуальное и консеквенционное. Это многомерное понятие религиозности было использовано в исследовании и оценке повседневного ислама, а также в описании отношении к гендерным убеждениям пакистанских мусульман.

Выводы показывают, что у мусульман Пакистана высокий уровень религиозности в убеждениях и следовании исламу в повседневной жизни. Но что касается отправления исламских обрядов (пять молитв в день и чтение Корана, посещение мечети), то они не столь активны, как в том, чтобы тесно следовать и связывать все свои повседневные дела с религией. Все культурные нормы отображены в религии и должны соответствовать религиозным параметрам, поэтому иногда трудно отличить религиозный ритуал от культурной нормы. Тщательная оценка фактов показала, что социально-демографические переменные влияют на религиозные практики. К примеру, было выявлено, что люди с низким уровнем образования или неграмотные более религиозны, чем люди с высоким уровнем образования. Однако нельзя всю повседневность пакистанцев сводить только к религии. Все регионы имеют свои собственные исторические, культурные, экономические и религиозные корни, которые оказывают значительное влияние на жизнь народов. Например, свадьба, деторождение и развод связаны не только с религиозной идентичностью, но празднуются и осмысляются под влиянием местных и иностранных культур.

В заключении третьей главы делаются следующие выводы. Во-первых, сделан вывод, что ислам – культура Пакистана и что мусульмане этой страны хотят следовать исламу по-своему в силу недостатка обучения Корану (поскольку все тексты написаны по-арабски). Источником знания об исламе становятся имамы и вторичная литература на местных языках (прежде всего урду). Во-вторых, ислам показан как сильнее воздействующий на культуру, чем культура – на ислам: сложно провести различие между религиозным ритуалом и культурной нормой. В-третьих, повседневная жизнь пакистанских мусульман находится не только под влиянием религии, но и местных культур. Глобальная культура играет определенную роль в изменении их мировоззрения, что имеет большое значение для постепенных изменений в обществе.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги исследования, приводится перечень основных понятий, обозначается круг поставленных проблем и предложенных решений, а также проблем, требующих дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. Саид Лубна. Обсуждение гендерных вопросов с точки зрения исламской религии и философии / Саид Л., Хоса А. // *Фундаментальные аспекты психического здоровья*. – 2018, № 4. с. 80-86; (0,4 печ. л.)
2. Саид Лубна. Социополитические мысли и влияние атеизма на современное западное общество / Саид Л. // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2018, т. 7, № 3а. с. 87-93; (0,5 печ. л.)
3. Саид Лубна. Традиционные практики, ущемляющие права женщин в исламской культуре Пакистана / Саид Л. // *Социология* - 2020. (ISSN 1812-9226). № 3. с. 327-333; (0,5 печ. л.)
4. Саид Лубна. От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии» / Саид Л., Трубина Е.Г. // *Манускрипт* - 2020. т. 13, № 11. с. 185-188; (0,6 печ. л.)

Публикации в других научных изданиях:

5. Саид Лубна. *Modernization and Islam. (Модернизация и ислам)* / Саид Л. // *Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции*. - Екатеринбург: Деловая книга, 2019. с. 268-271; (0,4 печ. л.)